

дев, что два краснофлотца садятся на машину, идущую в тыл, к ним подскочил какой-то майор. Был он весьма пьян. Поэтому никакие доводы о том, что они журналисты, возвращаются с задания, вот мол документы и т.д., он не слушал, не слышал и слышать не хотел. Если перевести то, что он говорил, размахивая пистолетом, с его языка на литературный, то звучало это примерно так: «Я, вас, дезертиров, убегающих в тыл, вот здесь, вот сейчас, вот этими своими руками, прямо в этом кузове расстреляю.» Хорошо, что шофер заметил проходящий патруль, и те отбили журналистов. Смерть, на войне, может найти тебя в самом неожиданном месте и в самое неожиданное время. И избежать смерти, порой, можно тоже совсем неожиданно.

Вот, представьте себе – Попутка в часть уходит вот-вот, через минуту. Нептерпеливо библикает. Отец уже собирается выскочить из дома, где расположена редакция. В этот момент его зовет машинистка – не может разобрать почерк. Отец останавливается на несколько секунд, держится за ручку двери и диктует фразу. Вдруг, воздушный налет. Бомба попадает в соседний флигель их дома. И пол-дома срезает, как бритвой. Выйди отец на несколько секунд, раньше и все... Его Величество Случай!

Когда отца забрали на фронт, маму с ее семьей эвакуировали. Дорога привела их в Узбекистан, и маму направили в город Андижан работать городской судьей. В ее компетенцию входило дела, до определенного уровня. Она понимала суровость законов военного времени и всегда старалась быть справедливой. Многие дела были об обычном воровстве на предприятиях и в колхозах, хотя были и другие. Но два дела она выделяла особенно.

Однажды ей пришлось судить почтальона. Тот ленился разносить письма и бросал их в колодезь. Когда их достали, то там было много солдатских писем и даже похоронок. В то время, практически, почти в каждой семье живущей в Андижане, кто-нибудь был на фронте или эвакуирован неизвестно куда. Как люди ждали эти треугольнички! Сколько слез было пролито в ожидании. Для кого-то, возможно, это было то, последнее письмо... Мама, сама жена фронтовика, все это знала и понимала. Она могла присудить почтальону всего несколько лет: «за недобросовестное исполнение служебных обязанностей», но сказала: «Ты совершил страшное предательство! Не доставив письма с фронта и извещения о гибели, ты

убил солдата еще раз». И передала дело в суд высшей инстанции по статье, несущей, гораздо более суровое наказание. Я до сих пор помню негодование на ее лице, и в ее голосе, когда она рассказывала мне эту историю, лет через пятнадцать после войны.

Я вспомнил об этом случае года два назад, уже здесь, в Сиднее. У одного австралийского почтальона в гараже нашли ящики недоставленных писем...

И вот другой случай. На заводах, во время войны, работали 14-15-летние дети. О том, что все недоедали, были обессилены и изнеможены, рассказывать не нужно. На скамье подсудимых сидит пятнадцатилетний подросток. Почти ребенок. Вина его в том, что во время работы он забился в какой-то укромный уголок и проспал в нем несколько часов. Это, в военное время, считалось преступлением. Свидетелем обвинения выступал мастер цеха. В ходе судебного следствия, мама поняла, что между мастером и этим парнишкой была давняя вражда. И мастер, практически, как говорят сегодня, специально «подставил» его под срок.

Мама спрашивает парнишку: Почему уснул?

Подросток: Устал, не было сил.

Мама спрашивает мастера: Как вы знаете сколько времени он проспал?

Мастер: Как же. Я видел, когда он пошел туда спать. Видел, как он там спал. Видел, когда он проснулся и вернулся к станку.

Мама: А Вы пытались его разбудить?

Мастер: Нет. Пусть отвечает за свои поступки.

Мама: Значит Вы умышленно способствовали совершению уголовного преступления, вместо того, чтобы, как вам положено по должности, его предотвратить!

И посадила мастера в тюрьму, а парнишку оправдала.

Война дала хлебнуть горя всем. И Смерть, родная ее сестра, косила людей без разбора и на фронте, и даже в далеком тылу. Коснулась ее коса и нашей семьи. Мамина мама, наша бабушка Поля, относительно молодая еще женщина, умерла в Андижане от какой-то пустяковой болезни. А мамин брат, Абрам Рутштейн – студент МГУ, филолог, умница, за свои научные работы получивший бронь, пошел добровольцем на фронт, стал танкистом, и погиб под Москвой, в первом же своем бою. Но остальная часть нашей семьи все-таки победила и Войну, и Смерть, и выжила им назло. Как только освободили Одессу, семья, вернулась в город. Папа всегда гордился, что на их пропуске в Одессу стояли номера из первой десятки. Началась новая, уже послевоенная жизнь. А вскоре после войны родился я.

Но это уже совсем другая история, и я ее, когда-нибудь, тоже расскажу. Огромная благодарность моему брату, Александру Мирвису, за помощь в написании этого рассказа.

Павел Мирвис
Сидней.

О судьбе моего брата

Уважаемая редакция газеты «Горизонт»,
В связи с 65 годовщиной Победы над нацистской Германией, мне бы хотелось рассказать о моем брате Звереве Файтеле Исааковиче, который в 20 лет отдал свою жизнь на алтарь Победы.

Зверев Файтел Исаакович, родился в 1924 году. После окончания неполной средней школы, учился на слесаря, затем работал слесарем на весовом заводе города Бобруйска.

Когда началась 22 июня 1941 года Война, вся семья эвакуировалась в Саратовскую область город Новоузенск. Брат работал по уборке урожая и учился на тракториста. В декабре 1942 года брата призвали в армию.

После того, как проводили в армию брата, мы очень по нем скучали. Я очень любил своего старшего брата. Он был очень добрым, отзывчивым, физически сильным и я себя всегда чувствовал в безопасности с ним.

Переписывался с ним в основном я. Первое его письмо мы получили из города Балашова, где его, молодого солдата, учили 3 месяца в Балашовском пулеметно-минометном училище, а потом сразу направили на фронт. Первое свое боевое крещение он получил под Сталинградом, получив ранение в ногу. В письмах он никогда не жаловался на тяжелую солдатскую службу, на трудности солдатской боевой жизни. Ведь под Сталинградом были очень тяжелые бои. Но он там выжил, хотя имел тяжелое ранение. Письма от него шли в 1943 году, где он описывал о сражениях на Орловско-Курской дуге, как он со своим минометным расчетом шел с боями на запад, рискуя каждый день быть убитым.

Только в феврале 1944 года мы перестали получать письма от брата. Через несколько месяцев, как прервалась переписка с братом, мой отец, находясь в армии, получил короткое извещение, в котором было написано: «Ваш сын Зверев Файтел Исаакович, находясь на фронте, пропал без вести 29 февраля 1944 года, о чем посылаем Вам это сообщение». Больше мы от брата никаких сведений не имели. Мы почему – то всегда думали, что он жив. Но приходит Победа, заканчивается война, возвращается отец из армии, а брата так и нет. Проходят годы, а меня все мучает вопрос, почему я ничего не могу сделать, чтобы попытаться узнать, где погиб и похоронен мой брат?

Проходит 20 лет после окончания войны. Накануне 20-летия Победы в Советском Союзе объявляется призыв: «Никто не забыт, ничто не забыто». По радио и телевидению показывают эпизоды встречи ветеранов войны, а я ничего не знаю о брате. Тогда я решил начать писать в различные инстанции, в поисках каких-либо данных, об участниках войны, которые не вернулись домой. Написал письма в центральные газеты; «Правда», «Известия», «Комсомольская Правда», «Красным следопытам», которые занимались поиском пропавших без вести участников войны, в центральный Архив Министерства обороны и другие инстанции.

Написал письма начальнику штаба полка майору Москалеву и делопроизводителю старшему лейтенанту Москаленко, которые подписывали извещение о том, что брат пропал без вести. Оказалось, что начальник штаба умер, а старший лейтенант Москаленко мне ответил, что он подробностей не знает, ему давали данные о погибших и пропавших без вести воинах на фронте, и он выписывал извещения.

Я написал письмо в наградной отдел Министерства обороны СССР. Оттуда мне сообщают, что Зверев Файтел Исаакович приказом командующего от 1.03.1944 награжден орденом «Славы III степени». Я знал, что такой орден дают за большие заслуги солдата, и как-то не увязывается... Днем раньше, то есть 29 февраля 1944 года рядовой Зверев Ф.И. пропадает без вести, а на следующий день, то – есть 1 марта 1944 года его награждают боевым Орденом, я попросил наградной отдел Министерства обороны разъяснить мне. Они мне сообщают следующее: «Ваш брат, Зверев Ф.И., находясь на фронте своим минометом уничтожил ДОТ с десятью немцами, и за этот подвиг награжден «Орденом Славы III степени»... этот орден родственникам не высылается».

Вдруг я вспомнил, что в последнем письме, брат писал, что они стоят в обороне в 60-ти километрах от своего родного города Бобруйска. Тогда я опять пишу письмо старшему лейтенанту Москаленко, и сообщаю ему о письме наградного отдела Министерства обороны, и прошу, чтобы он мне ответил (если он помнит) в каких местах Белоруссии они тогда стояли. Он мне пишет,

что он помнит:» Был тяжелый бой ночью в районе деревни Лудчица Быховского района Могилевской области. Бой был неудачный, было много потерь среди советских воинов, возможно в этом бою пропал без вести мой брат...»

Письмо старшего лейтенанта Москаленко натолкнуло меня на мысль написать в Областной Военкомат Могилевской области, и оттуда мне сообщают, что в Быховском районе, в деревне Лудчица есть братская могила, за которой ухаживают учащиеся Лудчицкой средней школы.

Имени моего брата на этом обелиске не было, чтобы вписать его имя, нужно было подтверждение сослуживцев, где и когда погиб мой брат. Где же найти сослуживцев моего брата?

Решил написать в центральный Архив Министерства обороны. Мне сообщают, что мой брат служил в Гвардейской 380ой Сибирской Краснознаменной стрелковой дивизии, в 1264 полку, Зем батальоне, и присылают список восьми сослуживцев. Так как эта дивизия формировалась в Сибири, то солдаты были родом из Сибири. Из восьми солдат, которые служили с моим братом, я написал письма, в живых осталось только двое, остальные умерли, то ли по возрасту, то ли от ран. Присылает мне письмо солдат Никифоров, который сообщает мне,

что он служил с моим братом в одном отделении, что во время ночного боя, который сложился неудачно, было много погибших, в том числе погиб и мой брат и его похоронили в братской могиле. Полученное письмо, соответственно заверенное в местном военкомате, я отвожу в город Подольск в центральный Архив Министерства обороны, которое они отправляют в Могилевский Облвоенкомат, а оттуда приходит мне ответ, что этого недостаточно, нужно иметь подтверждение ни одного, а двух свидетелей. Вот проклятие! Я уже потратил на поиски брата более шести лет.

Тогда я пишу письмо последнему, оставшемуся в живых солдату Попову, который был тоже 1924 года рождения. Он, несмотря, что был без ноги, инвалид, прислал мне подтверждение, что он помнит брата. На его глазах погиб мой брат. Я опять еду в Подольск с этим документом, а оттуда отправляют это письмо в Могилевский Облвоенкомат Белоруссии.

Только 9 апреля 1974 года, за № 4/304 пишу мне ответ следующего содержания:

«Гражданину Звереву В.И.

305004, г.Курск, ул. Ленина 94, кв.107

Сообщаю, Ваш брат Зверев Файтел Исаакович, значится погибшим и захороненным в братской могиле деревне Лудчица, Быховского района, Могилевской области. На братской могиле установлен скульптурный памятник, шефство над могилой осуществляется учащимися Лудчицкой средней школы, могила находится в хорошем состоянии.

Могилевский Облвоенкомат

Полковник Лисовец».

Так прошло около десяти лет поисков, и наконец место гибели солдата 380-й Краснознаменной Сибирской трижды орденоносной гвардейской Орловско-Витебской, Кенигсберской стрелковой дивизии Зверева Файтеля Исааковича было установлено.

У памятника братской могилы,
где похоронен мой брат.
Друг Иван, я, Ася и Ира 1972 год

Этим я выполнил свой долг перед своим старшим братом, которого я провожал на фронт в 1942 году. На памятнике было вписано имя и фамилия моего брата.

Владимир Исаакович Зверев
Город Мельбурн

Муся Рутштейн в 30е годы.